

УДК 811.112

**ДИСКУРСИВНЫЕ АКТЫ:
 ПРАГМАСЕМАНТИКА И ПРАГМАТИПОЛОГИЯ**

А.Н. Приходько (Запорожье, Украина)

Приходько А.Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология. В статье выдвигается и обосновывается идея дискурсивного акта как одной из важнейших конститутивных единиц речевой деятельности. Анализируя прагмасемантическую специфику дискурсивных актов и сравнивая ее со спецификой речевых актов, автор описывает номенклатуру основных их типов и видов в параметрах "способ использования", "режим использования", "ожидаемые предпочтения для адресанта и/или адресата", "техники семиотической фиксации".

Ключевые слова: дискурсивный акт, речевой акт, прагмасемантика, интеракция, телеология, инициальность, реактивность, вербальная упаковка, перлокутивный эффект.

Приходько А.М. Дискурсивні акти: прагмасемантика та прагматипологія. У статті висунуто й обґрунтовано ідею дискурсивного акта як однієї з найважливіших конститутивних одиниць мовленнєвої діяльності. Аналізуючи прагмасемантичну специфіку дискурсивних актів і порівнюючи її зі специфікою мовленнєвих актів, автор описує номенклатуру їхніх основних типів і видів у параметрах "спосіб використання", "режим використання", "очікувані переваги для адресанта і/або адресата", "техніки семіотичної фіксації".

Ключевые слова: дискурсивний акт, мовленнєвий акт, прагмасемантика, інтеракція, телеологія, ініціальність, реактивність, вербальна упаковка, перлокутивний ефект.

Prykhodko A.M. Discourse acts: pragmasemantics and pragmatypology. In this article the author suggests and grounds the idea of considering the discourse act as one of the most important constitutive unities of speech. Analysing pragmasemantical specification of discourse acts and comparing it with that of speech acts, he describes the nomenclature of their main types and kinds in the range of "the way of usage", "the mode of usage", "expected preferences for the speaker and/or the hearer", "the techniques of semiotic fixation".

Key words: discourse act, speech act, pragmasemantics, interaction, teleology, initialization, reactivity, verbal expression, perlocutionary effect.

1. Введение. Объектом эпистемической рефлексии предлагаемой статьи является феномен "дискурсивный акт" (ДА), противопоставляемый феномену "речевой акт" (РА). **Предметная** область и круг исследовательских задач определяется необходимостью установления интегральных и дифференциальных свойств ДА и РА с последующим фокусированием внимания на прагмасемантических особенностях ДА и системологическим описанием их типов и видов. Теоретико-методологической **основой работы** выступают принципы и постулаты когнитивно-коммуникативной лингвистики, в т.ч. и учения о речевой деятельности.

2. Дискурсивные акты и другие речевые действия. Теория речевой деятельности опирается в своем понимании языка на антропоцентризм, постулирующий идею того, что при наличии соответствующих условий высказывания приравнивается к осуществлению определенных действий. Речь поэтому рассматривается как разновидность человеческой деятельности, как форма поведения, регулируемая определенными правилами, как конвенциализированный способ использования знаков. Л. Витгенштейн писал, что сам по себе знак мертвый, а жизнь в него вдыхает речь [Wittgenstein 1984: 435]. Поскольку движущей силой живого использования знака является целеполагание, именно оно оказывается важнейшей составляющей семантики речевых действий, а точнее – прагмасемантики, исследовательский фокус которой направлен на изучение значений и смыслов под прагматическим углом зрения.

Как содержательная ипостась речевой деятельности, прагмасемантика терминологизирует целеполагание в виде интенциональности или телеологии, которые считаются важнейшей составляющей речевого акта. Несмотря на то, что представление о речевом акте как об основной конститутивной единице речевой деятельности стало аксиоматическим, иногда в лингвистической литературе имеет место его синонимическая подмена термином "коммуникативный акт". И хотя оба они имеют много точек соприкосновения, их отождествление представляется не совсем корректным. Речь идет скорее о родовидовой соотнесенности.

Коммуникативный акт – гиперонимическая единица речемыслительного (взаимо)действия, включающая когнитивный контекст и коммуникативное событие. По существу это когнитивно-коммуникативный акт, способный в своем воплощении опираться и на вербалику, и на паравербалику и охватывать при этом как малоформатные (простые РА, жесты, мимика, молчание), так и широкоформатные речевые события (медиасообщения, текстовые массивы, пантомимику и пр.). Двумя его гипонимическими разновидностями являются речевой и дискурсивный акты.

По сравнению с глубокой научной разработанностью речевых актов теория дискурсивных актов находится в самом начале своего становления. Так,

ни у кого не возникает сомнений в том, что *речевой акт* (РА) – элементарная единица речевой деятельности, являющийся "провозглашением предложения в определенной ситуации с определенной целью" [Кобозева 2000: 258]. Лингвистическая общественность в принципе приняла и типологический "квартет" РА, состоящий из констативов, квеситивов, директивов и комиссивов, иногда правда, дополняемых экспрессивами и метакоммуникативами. Выражая первичные и однозначные прагматические значения, все они суть иллокутивные первоэлементы речевой деятельности. И это со времен Дж. Серля и Дж. Остина не подлежит сомнению.

Дискуссии начинают возникать, когда речь заходит о значениях, выходящих за пределы смыслового диапазона определенной иллокуции. Так, довольно сложно определить прагмасемантическую основу таких речевых действий, как требование, распоряжение, предупреждение, рекомендация, пожелание, заявление, разрешение, запрет и пр., не укладывающихся в отведенные прагматикой рамки первоэлементов, хотя исследователи по инерции часто обозначают их уже занятыми терминами - "речевой акт" (например, РА "намек" [Белозьорова 2007], РА "убеждение" [Кочкарова 1995], РА "оффератив" [Пудровська 2000], РА "совет" [Шеловских 1995]) и "высказывание" ("несогласие [Баскова 1992], "обвинение" [Король 2007], "согласие" [Нейленко 2004], "отказ" [Одарчук 2004; Осовська 2003]).

Большинство же специалистов склонны разводить РА и упомянутые речевые действия по разным понятийным и терминологическим квартирам, называя их "гибридными речевыми актами" [Буренко 2008: 3], "макроречевыми актами" [Маевська 2003], "метакоммуникативными блоками" [Косенко 2008], "репликами" [Баделина 1997; Морозова О.Н. 2000], а иногда и возводя их в ранг "функционально-прагматической категории" [Шеловских 1995: 3] или даже "речевого жанра" [Соловьева 2009: 312]. Подчеркивая определенный и, без сомнения, существенный аспект объекта нашего внимания, все эти номинации, а также ближе всего приближающий к нашему пониманию термин "дискурсема" [Морозова Е.И. 2005], не совсем полно выражают суть стоящего за ним понятия. Представляется, что ее достаточно адекватно отражает термин "дискурсивный акт / discourse act", встретившийся нам у Г. Стина [Steen 2003].

Дискурсивный акт – единица речевого действия, включенная в интеракцию и представляющая собой цепочку речевых актов, объединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями. Поскольку прагматический потенциал ДА произведен как от интра-, так и от экстралингвистических факторов, в актуализации их прагмасемантических свойств важную роль играют факторы, включающие в себя такие компоненты ситуации, как коммуниканты, время, место, цели, задачи общения и пр.

Встречающееся в специальной литературе отождествление РА и ДА не случайно потому, что оба они имеют довольно много общих черт. Будучи

конститутивными единицами речевой деятельности, они наделены одинаковой когнитивно-коммуникативной природой, которая позволяет им быть речевыми единицами, специализирующимся на трансфере информации и на регулировании речевого взаимодействия между коммуникантами. Кроме того, используя в интерактивном обмене, они способны выступать как в виде прямых, так и косвенных речевых действий, причем как в инициальном, так и в реактивном режимах общения. И, наконец, рамки их функциональной релевантности определяются двумя этапами – этапом реализации и этапом обработки сообщения (по О.Г. Почепцову [1986: 7]).

Вместе с тем, между РА и ДА имеют место существенные различия. Они касаются локутивной, иллюкутивной и перлокутивной специфики, а также меры, времени протекания, соотношения друг с другом и вербальной аранжировки. Основное же отличие состоит в функциональном предназначении (мера): РА являются минимальной и далее неделимой единицей речевого действия, а ДА – речевым блоком, который в одних случаях может материально совпадать с РА, а в других – вбирать в себя несколько РА, разных по своей прагмасемантической специфике. При совпадении границ РА и ДА единица плана выражения оказывается ошутимо "перегруженной" единицами плана содержания.

В анализируемых речевых единицах по-разному устроено и целеполагание: если цель у РА представляется довольно однозначной, то у ДА она может быть диффузной, иногда скрытой, а иногда и пересекаться с другими целями. Нередко ДА ставит перед собой несколько целей и решает несколько речемыслительных задач. Соответственно, и перлокутивный эффект оказывается у ДА более прогнозируемым и более выпуклым, чем у РА. По этой причине мы оставляем последним традиционную "интенцию", а за ДА закрепляем "телеологию", характеризующую масштабностью и многофункциональностью.

В семиотической реализации РА предпочтение отдается вербальным средствам, а в ДА не менее активно задействуется и паравербалика (жесты, мимика, звуки). Но есть своя специфика и в вербальной аранжировке РА и ДА. Если первые не имеют четкой привязки к каким-либо средствам своей упаковки, то вербальный потенциал вторых коррелирует с прагмасемантическим полем (ПСП) – иерархически организованной системой лексических и грамматических средств, связанных с определенной дискурсивной иллюкуцией. Здесь выделяются доминанта поля (как правило, перформативы), ядро (средства прямой номинации, в т.ч. и устойчивые) и периферия (косвенно номинативные средства). По этой причине РА могут и должны быть "строительным материалом" для дискурсивных актов. В свою очередь, ДА не могут входить в состав речевых актов, но зато некоторые из них они легко смыкаются с малоформатными речевыми жанрами. Например, текстотип "рецепт" коррелирует с ДА "совет", "почетная грамота" – с ДА "благодарность", а "объяснительная записка" – с ДА "оправдание".

Подобно речевым жанрам, проявляющим определенные тактико-стратегические предпочтения, между РА и ДА существуют различия в их

функционировании в том или ином режиме общения. Если первые "состоят" на службе у речевых стратегий и тактик, то вторые сами предпочитают пользоваться их услугами. Так, среди стратегий предпочтительными для ДА являются кооперативность (тактики "вежливость", "корректность", "деликатность" и др.) и конфликтность ("категоричность", "эмоциональность", "тенденциозность" и др.). Обе они могут быть дополнены стратегией аргументирования, а также тональностью – регистром передачи пропозиционального содержания (шутливо, иронично, дружески, официально, презрительно, враждебно, капризно и т.д.

3. Прагматическая таксономия дискурсивных актов. Анализ эмпирического материала позволяет выделить среди ДА единицы гипер- и гипонимического порядка. В частности, речь идет о таких их типах, как офферативы, конформативы, аккузативы, апологетивы и дидактивы. В рамках каждого из них существуют иерархически подчиненные им виды. Следуя этой родовидовой логике, попытаемся дать самую общую характеристику каждому из них по алгоритму "способ использования – режим общения – профитивность (ожидаемые предпочтения для говорящего и адресата) – способы вербализации" (см. табл.1.).

Табл. 1.

Матрица основных алгоритмических признаков дискурсивных актов

Типы ДА	Виды ДА	Способ использования (и – инициальн., р – рактивн.)	Режим общения (кп – кооперативн., кф – конфликтн.)	Выгода / невыгода для говорящего (Г), адресата (А)		Способ выражения (пн – прямая; кн – косвенная номинация)
				бенефактив (польза)	малефактив (ущерб)	
Офферативы	просьба	и	кп	Г		пн / кн
	требование	и	кф / кп	Г		пн / кн
	предложение	и	кп	Г / А		пн / кн
	уговаривание	и	кп	Г / А		кн
Конформативы / неконформативы	согласие	р	кп	Г / А		пн / кн
	одобрение	р	кп	А		пн / кн
	похвала	и / р	кп	А		пн / кн
	несогласие	р	кф		А	пн / кн
	отказ	р	кф		А	пн / кн
	неодобрение	р	кф		А	пн / кн
Аккузативы	обвинение	и / р	кф		А	пн / кн
	осуждение	и / р	кф		А	пн / кн
	претензия	и / р	кф		А	пн / кн
	возмущение	и / р	кф		А	пн / кн
	укор	и / р	кф		А	пн / кн
Апологетивы	оправдание	р	кп	Г		пн / кн
	извинение	р	кп	Г		пн / кн
	покаяние	р	кп	Г		пн / кн
	прощение	р	кп	А		пн / кн

Дидактики	совет	и	кп	А	?А	ПН / КН
	поучение	и	кп	А	?А	КН
	нравоучение	и	кп	А	?А	КН
	намек	и	кп	А	?А	КН

3.1. Офферативные ДА – инициальные речевые действия, используемые говорящим в режиме кооперативного общения с целью мобилизации своего коммуникативного партнера на какие-либо активные действия с пользой для него или для себя самого. Иногда оффератив выступает носителем идеи взаимовыгодного сотрудничества. В любом случае говорящий, стимулируя положительную с его точки зрения реакцию адресата, должен считаться не только с принятием, но и с отклонением оффератива. Типичными видами таких ДА являются просьба, требование, предложение, уговаривание. С учетом критериев "профитивность" и "говорящий (Г) / адресат (А)" возможен определенный набор перлокутивных последствий офферативов: высоковероятные последствия – 1) "бенефактивный результат для Г", 2) "малефактивный результат для А", 3) "бенефактивный результат для обоих участников интеракции"; маловероятные последствия – 4) "бенефактивный результат для А" и 5) "малефактивный результат для Г"; причем схема 6) "малефактивный результат для обоих" исключена вообще.

ДА "просьба" представляет собой обращение говорящего к адресату с целью склонить его к оказанию определенной услуги (любезности, одолжения). Конечная цель просьбы – получение определенной выгоды – реализуется бенефактивным действием в пользу говорящего. Средства выражения просьбы упорядочиваются по принципу ПСП: доминанту образуют перформативные глаголы (рус. *просить, умолять*, англ. *to ask, to beg*, нем. *bitten, flehen*), ядро – лексические синонимы, модальные глаголы и оптативные конструкции; периферийные средства привязаны к ситуации, но при этом предпочтение отдается вопросительному предложению, материально совпадающему с РА-квеситивом (1).

(1) -А кто тебя провожал? Валера или Игорь?

- Ой, ну какая тебе разница, – в голосе Лели раздражение. – Не Валера и не Игорь.

- А кто же?

- Ты все равно не знаешь.

- Так расскажи, тогда узнаю, – настаивала Люба. – Как его зовут, сколько ему лет, чем он занимается. Ты – наша дочь, и нам с папой интересна любая мелочь твоей жизни.

- Это не интерес, а пошлое любопытство, – ответила Леля. – Его зовут Стасик, если для вас это так важно. Ему двадцать четыре года. И он никто. [Маринина 2010:193].

В зависимости от режима общения и используемых стратегий просьбы и требования могут быть категоричными и некатегоричными (деликатными),

прямыми и косвенными, мотивированными и немотивированными, корыстными и бескорыстными. Так, в (1) вопросительно оформленная просьба имеет вид немотивированного и довольно настойчивого вмешательства матери в личную сферу дочери, что изначально вызывает противодействие.

ДА "предложение" является также профитивно ориентированным обращением говорящего к адресату. В отличие от совета с его нацеленностью на одностороннюю выгоду, предложение направлено на взаимовыгодное сотрудничество, поскольку его телеология заключается в получении пользы и для субъекта, и для объекта. Кооперативность предложения состоит в том, что нечто, предлагаемое вниманию, не навязывается адресату, а как бы выносится на обсуждение, рассмотрение, дискуссию. Средства выражения ДА "предложение" организуются также в виде ПСП – доминанты (перформативы рус. *предлагать*, англ. *to offer, suggest, move, propose*; нем. *vorschlagen, anbieten*), ядра (конвенциональные устойчивые выражения) и периферии (неконвенциональные средства, диктуемые ситуацией). В зависимости от способа вербальной упаковки можно различать прямые и косвенные предложения.

Стимулируя реакцию адресата, предложение должно считаться с тем, что оно может быть не только принято, но и отклонено адресатом. Высказанное "в лоб" предложение в (2), лишённое всякой куртуазии и оформленное императивной конструкцией, в ситуации дружеской беседы выглядит не столько неожиданным, сколько нелепым, а его выгода для адресата – сомнительной (не сулит ни пользы, ни вреда). Поэтому его бенефактивный результат как бы нейтрализуется, что, собственно, и стало основанием для отказа.

(2) *-Ох, какая ты! – расхохотался Бегорский. – Томка, у меня к тебе есть предложение.*

Она удивленно приподняла брови.

- Еще одно? Или все то же?

- Еще одно. Выходи за меня замуж.

- Андрюша, нам с тобой по шестьдесят три года. Ну куда нам жениться, а? Курам на смех. И потом, мы столько лет знаем друг друга, что никакой романтизм тут не пройдет. Мы ж с тобой как брат и сестра. [Маринина 2010: 441].

Императивной разновидностью просьбы, не терпящей возражения и не допускающей отклонения, является ДА **"требование"**.

ДА "уговаривание" используется тогда, когда адресат не расположен сразу принимать сообщаемую информацию на веру и действовать в соответствие с этим [Кочкарова 1989: 3]. По этой причине ДА "уговаривание" конструируется с помощью следующих элементов: мотив (движущая сила речемыслительной активности), аргументы (обоснование исходных посылок), техники доказательства и "продавливания" главной телеологической установки. Последняя как раз и направлена на побуждение адресата к определенному

действию с целью получения одно- или двусторонней выгоды. Нередко под прикрытием пользы для собеседника говорящий стремится "протащить" выгодное ему решение. Но зная об этом по опыту, адресат может проявить стойкость или принципиальность, отказав говорящему.

Последнее обстоятельство является причиной того, что уговаривания не способны к перформативному употреблению (рус. *уговаривать*, англ. *to oppres*, нем. *überreden*). Видимо, использование фразы "*Я тебя уговариваю*" обречено на перлокутивный провал. Зато широкое распространение получают глагольные лексемы ядерной зоны (рус. *убеждать, побуждать, подбивать, гарантировать, обещать, заинтересовывать, обязываться*; англ. *to persuade, convince, guarantee, interest, promise, pledge oneself, take upon oneself*; нем. *überzeugen, antreiben, versprechen, zusichern, sich verpflichten, gewährleisten, garantieren* и др.).

В отличие от совета и предложения, описываемых в терминах "прямой – косвенный", уговаривания эксплицитны по определению, но они различаются по тональности, которая делит их на осторожные и настойчивые, наивные и серьезные, капризные и взвешенные. Сфера функционирования ДА "уговаривания" – там, где возникает необходимость морального или материального поощрения, где необходимы мотивация и стимулирование заинтересованности в выполнении адресатом запрашиваемого действия. Так, в отрывке (3) мы имеем дело с обеспокоенным уговариванием дочерью отца, которое натывается на по-стариковски капризный отказ.

(3) *Тамара тут же кинулась измерять отцу давление, и цифры на дисплее ее испугали.*

- *Папа, поспокойнее, пожалуйста, – уговаривала она его. – Нам только инсульта сейчас не хватало. Давай-ка прими вот эту таблетку.*

- *Я не буду пить лекарства! Ты пичкаешь меня таблетками, как будто я инвалид какой-то. Я еще вполне могу терпеть сам, без лекарств.* [Маринина 2010: 348].

Внутри класса офферативов существуют гибридные ДА типа "просьба-предложение", "просьба-приказ", "требование-уговаривание", описанные нами с позиций их оформления сложносочиненной конструкцией [Приходько 2002: 258]. Но их анализ выходит за пределы предметной области настоящей статьи и заслуживает отдельного описания.

Использование офферативов – профитивно ориентированных речевых действий – сопряжено с двумя перспективами: ответом-одолжением (1), несогласием (3) или отказом (2) адресата присоединиться к инициативе говорящего. Тем самым, интерактивный обмен с участием офферативов предполагает не прекращение, а продолжение интеракции с использованием конформативных и нонконформативных ДА, которым нередко предшествует фаза "колебание" или "молчание", необходимые для обдумывания и принятия решения.

3.2. Конформативные и неконформативные ДА представляют собой реактивные речевые действия, используемые и в кооперативном, и в конфликтном режимах общения. Они объединены идеей знания говорящего о пользе или ущербе в случае принятия офферативной инициативы, что позволяет ему реагировать положительным или отрицательным волеизъявлением. Такая реакция может сигнализировать как полное (отказ), так и частичное отклонение оффератива (возражение), что предполагает изменение положения дел путем решительного (согласие, отказ) или тактичного (одобрение, несогласие) речевого действия.

ДА с прагматикой *согласия / несогласия* неоднократно становились объектом лингвистического анализа на материале русского [Баделина 1997; Лукин 2003], английского [Баскова 1992] и немецкого языков [Морозова О.Н. 2000]. Анализ этих и других работ позволяет говорить о том, что прагмасемантическая сущность этих ДА состоит в том, что они возникают и функционируют как реакция языковой личности на предшествующее офферативное действие ее коммуникативного партнера, которое она вольна принять или отклонить. При этом для согласия нет регламентаций относительно типа или характера инициальной реплики. Для отрицательного же волеизъявления они существуют: ДА "несогласие" – это реакция на инициальные речевые действия с эпистемическим значением (мнение, суждение, допущение), а ДА "отказ" – с директивным значением (просьба, предложение, требование, распоряжение).

К ДА "*согласие*" относятся речевые блоки, отражающие положительную реакцию говорящего на пропозициональную составляющую инициальных речевых действий с эпистемическим значением. Их логико-смысловую презумпцию можно отразить формулой "положительное волеизъявление говорящего относительно поступившего в его адрес предложения". В этом смысле говорящий выступает в двух ипостасях – как объект влияния и как субъект будущей активности, исполнитель чужой программы действий.

На фоне скудного набора паравербальных средств (кивание, поклон, рукопожатие) репертуар средств вербальной упаковки согласия является довольно репрезентативным, что достигается за счет органичного взаимодействия единиц прямой и косвенной номинации. Если первые представляют собой ограниченный набор перформативов (рус. *быть согласным, соглашаться*, англ. *to agree*, нем. *einverstanden sein*), то вторые весьма многообразны (ср.: "*Ну ладно*", "*Давай попробуем*", "*Нет возражений*", "*Не проблема*", "*ОК*" и т.д.).

Выступая в речи как часть двучленного интеактивного единства, ДА не есть прагматически гомогенными речевыми единицами: они могут профилироваться в виде частичного согласия, допущения согласия, полного согласия [Нейленко 2004: 1-3], а также разрешения, повиновения, договоренности, признания. Но в целом все их прагматические виды восходят к

двум вариантам, задаваемым временным вектором, который может быть актуальным или проспективным, но ни коим образом не ретроспективным.

Согласие, релевантное для актуального настоящего, суть согласие эпистемическое. Оно связано с принятием или поддержкой чужого мнения, предложения, совета. Проспективно ориентированное согласие акционально по своей природе, ибо связано с добровольным или принудительным решением выполнить какое-либо действие. В диалоге (4) отец соглашается с дочерью настолько неохотно, что его разрешение выглядит не как акт доброй воли, а как вынужденный шаг после цепочки просьб, предложений и отказов.

(4) - *Папа, мама, я хочу сказать тост. Вы мне не наливайте, налейте себе, я скажу, а вы выпьете.*

- *Ну давай хоть глоточек, – попросил отец. – Нехорошо говорить тост и не выпить.*

- *Ты же знаешь, я не пью. Совсем. Ничего не пью, – поморщилась Леля. – Если ты настаиваешь, я себе налью воды в бокал.*

- *Ладно, – вздохнул он, – давай хоть так* [Маринина 2010: 194].

В ДА "согласие" говорящий выступает в двух ипостасях – как объект влияния и как субъект будущей активности, исполнитель чужой программы действий. Независимо от того, эпистемическим или акциональным является согласие, его высшая телеология состоит в установке на консенсусную коммуникацию – заветную цель любого общения: "При согласии и малые дела вырастают в большие, при разногласии и большие распадаются" (Саллюстий [ЭМ 1995: 428]).

ДА "несогласие" суть актуальные речевые действия, функционирующие как отрицательные реакции на реплики ментального порядка (мнение, суждение, предположение, допущение), т.е. реплики, сигнализирующие неприятие сделанного собеседником сообщения. В отличие от согласия, здесь реализуется вторая ипостась адресата, так как вопреки ожиданиям прескриптора он избирает другую альтернативу – невыполнение чужой воли.

Прагмасемантическая специфика ДА "несогласие" заключается в том, что цель, реализуемая побудительным речевым шагом прескриптора, не объединяет, а разъединяет двух интерактантов: один диктует, второй должен выполнять его волю. Дуга контрадикторного напряжения между оппонентами приводит к колебаниям между необходимостью выполнения и возможностью невыполнения побудительного действия, что отражает, с одной стороны, извечное стремление человеческой природы к покорению себе подобных, а с другой, – к сопротивлению покорению себя другими.

ДА "отказ" – это способ противодействия инициальному речевому ходу коммуникативного партнера. Отражая отрицательную реакцию говорящего на директивные речевые действия прескриптора, отказ направлен на совершение психологического контакта, в ходе которого утверждается коммуникативный приоритет говорящего [Одарчук 2004: 15]. ДА "отказ" коррелирует со второй ипостасью согласия, т.е. с акциональным, проспективно ориентированным

согласием. Он отклоняет не мнение или точку зрения, а акциональную активность прескриптора, твердо и безальтернативно сообщая о решении, ни в каком виде не поддерживать его офферативные инициативы. Допуская свое использование как в условиях партнерства, так и в условиях иерархических отношений коммуникантов, отказ возможен и в вертикальной, и в горизонтальной плоскостях их социороловой зависимости [Осовська 2003].

Специфическая особенность отказов – избегание перформативов (фраза типа *"Я тебе отказываю"* – довольно редкое явление в речевой практике). Зато средства ядерной зоны, представленные отрицанием, здесь весьма продуктивны, но особенно разнообразны косвенно номинативные средства. Будучи наделенными способностью "подстраиваться" под любую иллокутивную силу, они могут варьировать отказ в широкой амплитуде тактик и стратегий: эксплицитности и имплицитности, мотивированности и немотивированности, деликатности и категоричности, вежливости и невежливости и т.д.

Примером прямого, категоричного, сначала немотивированного, а затем аргументированного отказа является интратекстовый фрагмент (5), в котором фигурирует не деликатное "предложение", а прямолинейные "требование" и "уговаривание". В этом диалоге они, сменяя друг за друга, хоть и отвергаются сходу, но свое дело делают: пропонент соглашается заменить немотивированный отказ-1 на мотивированный отказ-2.

(5) - *Тогда скажи мне про тех мужчин, – потребовал Камень. – Ты же наверняка уже все выяснил.* {требование}

- *Выяснил, – Змей согласно покивал головой.*

- *Ну? – в нетерпении проговорил Камень. – Чего ты тянешь? Говори.* {уговаривание}

- *Не скажу.* {отказ-1}

Камень оторопел. Впервые Змей отказывается рассказывать о том, что увидел.

- *Как это? Почему?*

- *Не скажу – и все. Иначе сериал смотреть будет неинтересно* {отказ-2}

[Маринина 2010: 204].

Для нонконформативов релевантна реакция либо на пропозициональную, либо на интенциональную составляющую инициальной реплики. В первом случае речь идет о ДА "несогласие", в другом – о ДА "отказ". Иногда отказ называют "перлокутивно опасным" речевым действием [Баскова 1992: 7]. И это не случайно. ДА "отказ" в любом своем виде – это весьма действенный способ самоутверждения социодискурсивного авторитета говорящего. Его использование свидетельствует о разных гранях такого самоутверждения – как о положительных (принципиальность, честность, сила характера), так и об отрицательных (норов, вредность, упертость и пр.).

ДА "одобрение" и *"неодобрение"* являются расширением иллокутивного пространства согласия / несогласия с инициальным речевым ходом адресата за

счет "подключения" оценочной составляющей, предполагающей либо позитивную, либо негативную реакцию говорящего на предыдущий речевой шаг коммуникативного партнера. Наиболее распространенное средство их выражения – перформативный глагол "одобряю" (англ. *to approve / disapprove*, нем. *bewilligen*) и его ситуативные синонимы *разрешаю, признаю, позволяю* (англ. *to admit, agree, allow, confess, contract, let, permit*; нем. *anerkennen, gestatten, lassen* [Храмова 2003: 8]). В актах одобрения / неодобрения широко используются существительные, междометия, фразеологизмы и др.

Разновидностью одобрения является "**похвала**" – ДА, направленный на словесное стимулирование (взаимо)выгодных начинаний: "превосходное средство для того, чтобы побуждать людей к похвальным действиям; даже незаслуженная похвала является поощрением" (К. Захарие [ЭМ 1995: 305]).

Дискурсивные акты нон/конформативного типа являются по своей сути интерактивными реакциями не только на офферативы, но и на аккузативы, апологетивы и дидактивы.

3.3. Аккузативные ДА представляют собой конфликтогенные инициальные или реактивные речевые блоки, телеология которых направлена на ликоповреждение собеседника – обвинение его в нарушении чего-либо (морали, традиций, норм), приписывание ему какой-либо провинности, осуждение его поступков, оцениваемых как неправомерные. В этом своем инвариантном обличье аккузативы не способствуют консенсусному общению.

Основной представитель аккузативов – ДА "**обвинение**" с такими разновидностями, как **осуждение, претензия, возмущение, укор**, функциональный диапазон которых охватывает приватную и официальную сферы. В зависимости от этого они могут верифицироваться как прямые и косвенные, эксплицитные и имплицитные, симметрические и асимметрические, контактные и дистантные, моно- и полиадресатные [Король 2007: 13]. При этом доминирующим вариантом является симметрическое, контактное, моноадресатное, инициальное обвинение (ср. (6), в котором муж обвиняет жену).

(6) - *Почему так долго? – капризно спросил муж, когда Люба вошла в гостиную, где он, устроившись в мягком глубоком кресле, читал газеты.*

- *Пробки, Родинька, – виновато ответила Люба. – Ты же знаешь. Сейчас я тебя накормлю.*

- *Я не понимаю, почему с этими мастерами и дизайнерами нельзя встречаться в выходные, когда дороги свободны? – раздраженно проговорил он. – Ты постоянно едешь туда среди недели, тебя никогда нет дома. Я голоден, я устал, могу я хотя бы дома не заниматься проблемами?* [Маринина 2010: 428].

ДА "обвинение" избегает не только перформативов (ситуация "Я тебя обвиняю" маловероятна), но и средств, относящихся к ядерным компонентам соответствующего поля. По большей части они используют арсенал косвенно номинативных единиц с отрицательной аксиологией, а также единиц, негативно

коннотируемых в контексте. При этом на выбор средств упаковки ДА "обвинение" существенное влияние оказывают такие факторы, как статусно-ролевые отношения (симметрические / асимметрические), ситуация общения (официально-деловая, дружественная, фамильярная), а также возраст и гендер. Это хорошо видно в пассаже (6), где капризное брюзжание, акцентированное повторение риторического *Почему?*, раздраженное взывание к мнимому когнитивному диссонансу (*Я не понимаю*) и пр. методично бьют в одну перлокутивную точку – возбуждение чувства вины у собеседника.

"Истина и правда" – слова, написанные на знаменах аккузативов. Они используются, когда возникает необходимость в развенчании пороков, выведении на чистую воду лгунов и плутов, низвержении зарвавшихся авторитетов. Все их виды – обвинение, осуждение, претензия, возмущение, укор – характеризуются гомогенной прагмасемантикой: способностью к своему использованию и в инициальном, и в реактивном режимах, конфликтогенностью, малефактивностью для адресата и не всегда располагающей к консенсусу тональностью.

3.4. Апологетные ДА являются зеркальной проекцией аккузативных. Они представляют собой реактивные речевые действия, направленные на нейтрализацию ликоповреждающего действия предшествующих им по времени аккузативов (ср. (6): *Пробки, Родинька. – Ты же знаешь*). Телеология апологетивов сопряжена с катарсисом – эмоциональной реакцией говорящего, профилируемой как освобождение от чувства вины ("очищение совести говорящего" [Корольов 2009: 196]). Эта реакция направлена на восстановление нарушенной кооперативности общения или пошатнувшихся отношений: упреждение обвинений, снятие вины, объяснение причин неправомерного поступка.

Апологетные ДА состоят как бы из двух когнитивно-коммуникативных пластов: 1) признание / непризнание говорящим своей или чужой вины, 2) апеллирование к рациональной сфере адресата с целью просветить его об истинной подоплеке поступка, оказавшегося в итоге проступком. При этом сигналы, исходящие от обоих пластов, могут быть и прямыми, и косвенными. Последние довольно часто строятся на основе пресуппозиции (вина "фонит"), особенно когда говорящий в силу различных причин не решается озвучить вину.

ДА "оправдание" – "довод, которым можно оправдать, объяснить, извинить что-нибудь" [Ожегов 1986: 390] или доказать свою невиновность и правоту. Считается, что, наделяя оправдывающегося положительной или, по крайней мере, не отрицательной оценкой, оно как бы поддерживает правильность определенного положения вещей [Klein 1987: 19]. ДА оправдания конституируются двумя типами – экстра- и интровертивными.

Экстравертивные оправдания суть оправдание третьих лиц. Оно вызывается некорректной, с точки зрения говорящего, оценкой собеседником объектов обсуждения, что провоцирует отрицание сказанного, несогласие с

чужой точкой зрения, возражение. Для этой цели говорящий использует весь арсенал имеющихся в его распоряжении тактико-стратегических средств: перемежение различных тактик, перепады тональности, нарочитая аргументация и т.д. Так, обвинение друга во всех смертных грехах (7) вызывает у пропонента чувство жалости и обиды за него. Не отвергая обвинений по существу и даже частично с ними соглашаясь, он находит возможность оправдать друга компенсаторным способом, т.е. отыскивая в нем массу других достоинств.

(7) -Просто жаль, что Родислав стал таким противным, что ли. Даже слово не могу подобрать. Столько лет мы вместе с ним прожили, и я видел, что он слабый, не любит напряжения, не любит быть неправым, трусоват, но в целом-то он был приличным человеком, не подлым, не жадным, зла никому не хотел. А теперь вон что из него получилось.

Ворону стало жаль друга, и он принялся искать аргументы в оправдание Родислава.

- Но он же не стал подлым, и жадным не стал, и по-прежнему никому не хочет зла, – заговорил он убежденно. – Он как был приличным, так и остался, это никуда не делось. Ты так уж сильно не переживай, он все-таки ничего, хороший. Денису вон квартиру покупать собрался... [Маринина 2010: 390].

Смысловой канвой интровертивного оправдания является самооправдание. Говорящий выстраивает такую его тактико-стратегическую линию, которая колеблется в пределах от исключительно вежливых до крайне категоричных утверждений. В отличие от других апологетивов, самооправдания не связаны с какими-либо специализированными средствами экспликации. Особенно противопоказаны им перформативы: сказать "Я оправдываю себя" тождественно перлокутивному провалу. По этой причине ДА оправдания предпочитают косвенно номинативные средства, как в (8).

(8) Люба опустила сумки на пол и тяжело вздохнула.

- Зачем же ты его впустила?

- Но я не знала, что это он, я думала, что это Леля пришла.

- А в глазок посмотреть? Я ведь сколько раз тебя предупреждала: смотри в глазок, прежде чем открывать дверь.

- Я забыла, – едва слышно прошептала Лариса. – Простите меня, тетя Люба, я совсем забыла про глазок, я не думала, что у него хватит наглости к нам припереться. Что мне теперь делать? [Маринина 2010: 49].

Основная цель любого оправдания состоит в том, чтобы склонить адресата к пониманию и, стало быть, к прощению. Но расхожий стереотип "понять – значит простить" может оказаться не всегда действенным. В случае, если говорящий ощущает малоэффективность своей оправдательной интенции, он может прибегнуть к более действенным средствам "заглаживания" вины. Например, к извинению или покаянию, что четко видно в диалоге (8), в котором ДА "извинение" – логическое продолжение ДА "оправдание".

В отличие от оправдания с его установкой на понимание *ДА "извинение"* является иллокутивно более сильным речевым действием: попросить извинения – значит склонить к прощению. Оно классический образец генетической двуплановости апологетных ДА (признание вины и просьба разрешить "выйти-из-вины"). Такие ДА должны оказывать суггестивное влияние на эмоциональное состояние адресата, от которого и зависит успешность просьбы. С учетом факторов "перлокутивный эффект", "когнитивный сценарий" и "психологическая гармония общения" различают коррективные и превентивные извинения [Буренко 2008: 4]. Коррективные извинения направлены ретроспективно и выражают чувство сожаления за совершенный поступок, проспективно же функционирующие превентивы предотвращают возникновение такого чувства в случае нарушения этикетных норм.

Доминантная аранжировка извинения связана с перформативными глаголами (*извинять, прощать*, англ. *excuse, apology, beg pardon*; нем. *entschuldigen, verzeihen*) или с императивными высказываниями (*Извините, пожалуйста; I beg your pardon; Verzeihen Sie bitte*). Средства косвенной номинации реализуют извинение опосредованно (повествовательные предложения типа *I am sorry; I beg your pardon; Ich bitte um Verzeihung / Entschuldigung*). Номинации, выходящие за пределы обозначенных, будут уже иметь признаки оправдания или даже осторожно обозначенного обвинения, как в (9).

(9) - *Послушай, дружок, мне скучно в тысячный раз возвращаться к этой теме, она у меня уже на зубах навязла.*

- *Извини, – виновато пробормотал Ворон, – но мне было важно поговорить о том, что лучше: любить и потерять или не терять, но и не любить.* [Маринина 2010: 342].

Оправдание и извинение являются центробежным ДА, т.е. направленными от говорящего к адресату, о которого ожидается "*прощение*" – ДА, который используется как респонсивный речевой шаг в консенсусной коммуникации, вызванный ментальными (эпистемическими) или акциональными факторами. Наиболее весомым является первый фактор, поскольку "ничего не прощается так неохотно, как различие мнений" (Р. Эмерсон [ЭМ 1995: 359]). Прощение сопряжено с другим ДА – "*покаянием*", просьбой о прощении как бы у себя самого или у высших сил. Это первый пласт телеологической составляющей ДА "покаяние", второй и более сильный пласт – автонаправленность (самообличение, самообвинение, самобичевание). "Двойное дно" покаяния определяет центростремительный вектор его иллокутивной силы.

Апологетные ДА конструируются по четкому тактико-стратегическому сценарию. И.Р. Корольов [2009: 196] убедительно доказывает, что в рамках стратегий аргументирования и политеса они могут использовать и такие тактики, как "оправдание действий, вызвавших конфликтную ситуацию", "декларация искренности", "апелляция к предыдущему позитивному опыту

отношений", призыв к сочувствию со стороны собеседника", "поиск существенного аргумента для оправдания", "опровержение утверждения собеседника", "вербализация положительного отношения к собеседнику", "реакция на измененное состояние человека", "поиск виноватого / ответственного".

3.5. Дидактические ДА являются инициальными речевыми действиями, содержащими суггестивный компонент – указание адресату, как поступать или действовать в тех или иных условиях. Их телеология имеет бенефактивную основу, предполагающую изменение положения дел к лучшему. В некоторых случаях под видом разумного, доброго, вечного могут проявляться и малефактивные намерения говорящего (сотворить зло, например). Но в обоих случаях следование дидактическому вербальному действию необязательно.

Функционирование дидактиков в ситуациях общения обусловлено действием различных факторов: социорольевыми отношениями между коммуникантами, социопсихологической дистанцией (близкая, нейтральная, далекая), характером каузируемого действия (маркированность по признаку деликатности или важности), обстановкой общения, а также факторами "гендер" и "возраст" [Шеловских 1995: 5]. К ним можно добавить и такие факторы, как ситуативно доминирующие прагматические установки, речевая экспрессия и сила желания говорящего навязать свою волю объекту влияния.

В зависимости от степени кооперативности и суггестивной силы можно говорить о категоричных и некатегоричных, навязчивых и деликатных, в зависимости от сферы использования – о частных и институционализированных дидактиках, а от тональности – о серьезных, ироничных, прямолинейных, дружеских, раздраженных. Поскольку от тональности зависит коммуникативный успех, последние скорее исключение, чем норма [Соловьева 2009: 315]. Главные видовые репрезентанты дидактических ДА – "совет", "поучение" и "намек".

ДА "совет" вбирает в себя все обозначенные выше родовые признаки дидактиков: инициальность, кооперативность, бенефактивность по отношению к адресату. Основной прагмаустановкой совета является предотвращение опасности, подстерегающей адресата в случае невыполнения побуждения. По этой причине они всегда подают сигнал о целесообразности следования совету как такому, что отвечает интересам адресата [Вежбицка 1985: 266].

Вместе с тем использование этого ДА сопряжено с целым комплексом дополнительных факторов ситуации совета: наличием субъекта и объекта, ретроспекцией (оценка текущего положения дел и мотивация), проспекцией (прогнозирование будущего положения дел), ожидаемой реакцией. На этом фоне особое значение имеют импульсы и маркеры деонтической, алетической, эпистемической и оптативной модальности.

К прямым номинациям совета относятся перформативы (рус. *советовать, рекомендовать*; англ. *advise, advise*; нем. *raten, empfehlen*) и их синонимы, в т.ч. и клишированные словосочетания. Ядерные средства

формируются побудительным (императивным) и повествовательным предложением, а также сослагательной конструкцией с частицей *бы* в русском и с кондиционалисом в английском (*would + Inf*) и немецком (*würde + Inf*) языках. Косвенные средства оформления совета, являясь многочисленными и разноуровневыми, практически не поддаются инвентаризации, а их актуализация зависит от ситуации и контекста.

В коммуникативном процессе ДА "совет" может подвергаться разного рода модификациям, вызываемыми взаимодействием формально-логических, аксиологических и модальных факторов, структурой социороловой зависимости коммуникантов. На пересечении этих модификаций возникают такие речевые смыслы, как "совет-предложение", "совет-предостережение", "совет-пожелание", "совет-рекомендация", "совет-наставление", "совет-отговаривание" [Приходько 2002: 228]. Интеракция (10) – пример категоричного, реактивного, бенефактивного совета, результат мгновенно принятого решения:

(10) *Люба еще не успела отойти от телефона, как аппарат снова взорвался тревожным звонком. Это была Лариса. В голосе звучала неприкрытая паника.*

- *Тетя Люба, с папой совсем плохо!*

- *Что случилось? Кричит? Дерется?*

- *Нет, он пожелтел весь и температура под сорок. Что делать?*

- *Срочно вызывать скорую. Я сейчас спущусь.* [Маринина 2010: 211].

Навязчивый, неделикатный, категоричный совет может быть квалифицирован как "**поучение**" или "**нравоучение**". Такие дидактивы характеризуются дополнительными прагматическими смыслами, связанными с представлениями говорящего о соответствии / несоответствии выполнения совета интересам адресата. Поучение (11) – это по существу участливый и добрый совет матери, как пережить смерть сына.

(11) *-...Я все время помню об этой женщине. И знаешь, я ведь до сих пор ревную мужа. Я все время об этом думаю. Я дура, да?*

- *Конечно, дура, – сердито отозвалась Тамара. – Разве тебе об этом надо думать?*

- *А о чем?*

- *О том, как выжить после Колиной смерти.*

- *И как? Как мне выжить? – Она снова заплакала.*

- *Поменяйте мебель, сделайте ремонт, чтобы ничего не напоминало о Коле. А еще лучше – купите новую квартиру. Ты сейчас у себя дома будешь постоянно наткаться на вещи, которые напоминают тебе о Кольке. Его комната, его диван, его диски, его одежда, его книги. Тебе будет больно каждую минуту, ты просто не сможешь находиться дома. Переезжайте. Это тебя отвлечет* [Маринина 2010: 242].

ДА "**намек**" является инициальным, кооперативным речевым действием, которое не полностью что-то раскрывает, а как бы создает условия или

предпосылки для догадывания относительно определенного положения дел. Иначе говоря, ДА "намек" характеризуется желанием говорящего так повлиять на адресата, чтобы он вывел имплицитную пропозицию [Белозьорова 2007: 3]. Л.Р. Безуглая считает намеки апосиопезисными РА, а их использование объясняет индивидуально-психологическим (волнение, неуверенность, нехватка средств выражения), социально-психологическим (говорящий стесняется адресата или темы) и институциональным (корпоративно о чем-то не принято говорить вслух) факторами [Безугла 2007: 242]. Намек может быть также вызван присутствием третьих лиц, боязни под- или прослушивания или желания удивить адресата. Но, по-видимому, наиболее общими их видами являются намеки-эвфемизмы и намеки-недомолвки. Последние следует отличать от умолчаний и замалчиваний, характеризующихся как способ умышленного сокрытия информации.

Таким образом, дидактивы по своей природе – это диалогичные и кооперативные ДА, открытые для дальнейших речевых действий. Они направлены на достижение консенсуса с перспективы говорящего. С перспективы же адресата они не всегда представляются таковыми, поскольку нередки случаи, когда советы, поучения, намеки и особенно нравоучения приводят к конфликтному общению. Ведь "ничего люди не принимают с таким отвращением, как советы" (Дж. Аддисон [ЭМ 1995: 427]).

Говоря о ДА в целом, отметим, что они, выступая попеременно в роли инициальных и реактивных речевых действий, оказываются способными стимулировать использование все новых и новых речевых действий. Так, инициальный "совет" коррелирует с реактивными "согласие" и "несогласие", а более категоричные его варианты "поучение" и "нравоучение" могут вызвать целый шквал негативных и конфликтно окрашенных ДА ("возражение", "возмущение", "обвинение" и т.д.). Аналогичное касается и других типов ДА. Например, инициальный ДА "предложение" часто вызывает реактивный ДА "согласие" и "несогласие", которые, в свою очередь, могут провоцировать ДА "одобрение" или, наоборот, "неодобрение", "возмущение", "осуждение". Более того, в некоторых контекстах один и тот же ДА может иметь черты разных ДА, что определяется его местом в интеракции, где роли говорящего и адресата постоянно меняются.

4. Выводы и перспективы

4.1. Дискурсивный акт является единицей речевого действия, интегрированной в интеракцию и представляющей собой один и больше речевых актов, объединенных общей телеологической линией в речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными прагматическими значениями и разным целеустановками. В одних случаях дискурсивный акт может совпадать с речевым актом, а в других – вбирать в себя два и больше разных по своей структурной и прагмасемантической специфике речевых акта. При материальном совпадении дискурсивного и речевого актов прагматический смысл первого оказывается

интенционально насыщеннее, иллокутивно богаче и перлокутивно масштабнее второго. При этом ДА может быть направлен как на разжигание конфронтации, так и на достижение согласия, а его посткоммуникативный эффект может быть обращен как на пользу, так и во вред адресату.

4.2. Использование ДА детерминируется речемыслительной активностью человека, стимулируемой его нормативно-оценочными представлениями о правильности и неправильности, справедливости и несправедливости, пользе и вреде, добре и зле. В пределах этого глобального смысла человеческой деятельности дискурсивным актам отводится скромная семиотическая роль выразителя волеизъявления субъекта речи относительно объекта/ов речи с целью изменения существующего положения дел в мире или в сознании коммуникантов.

4.3. Дискурсивные акты могут конструироваться как вербальными, так и паравербальными средствами, но главным способом их упаковки является вербалика. У каждого типа и вида ДА существуют свои собственные прямо- и косвенно номинативные средства. Их совокупность представляет собой прагмасемантическое поле, к которому "приписаны" средства доминантного, ядерного и периферийного порядка. При этом прагмасемантическое содержание ДА не равняется простой сумме единиц плана его выражения, а его телеологическая аура распределяется равномерно по всей интеракции, захватывая соседние и смежные речевые блоки, что создает предпосылки для сближения отдельных ДА с отдельными речевыми жанрами. В этом смысле ДА представляют собой микротексты в составе макротекстов. Последние могут включать в себя несколько ДА, которые смыкаются друг с другом, перекрещиваются, контаминируются, образуя вместе глобальную иллокутивную канву макротекста.

Перспективными для дальнейших изысканий представляются некоторые моменты интенсивного и экстенсивного порядка в изучении. К первым следует отнести дальнейшие углубленные поиски когнитивно-коммуникативной специфики ДА, изучение путей и способов взаимодействия РА и ДА, а также процессов сочетаемости / несочетаемости ДА в процессах речемыслительного взаимодействия. К проблемам экстенсивного порядка относятся: уточнение, дополнение и расширение типологии ДА, например, ритуальными (приветствие, прощание, комплимент, благодарность, поздравление, оскорбление) или какими-либо иными их типами. Определенный узел проблематики составляет и изучение когнитивных схем использования ДА в разных дискурсах и дискурсивных формациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баделина М.В. Отношения согласия между репликами диалогических единств: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 "Русский язык" / М.В. Баделина. – Иваново, 1997. – 18 с.

2. Баскова М.Е. Прагмалингвистические и интеракционные характеристики высказываний несогласия (на материале современного английского диалога): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 "Германские языки" / М.Е. Баскова. – СПб, 1992. – 18 с.
3. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі / Л.Р. Безугла. – Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
4. Белозьорова О.М. Дискурсивні властивості мовленнєвого акту натякання (на матеріалі сучасної німецької мови): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / О.М. Белозьорова. – Харків, 2007. – 20 с.
5. Буренко Т.М. Когнітивно-прагматичні характеристики мовленнєвого акту вибачення в англomовному дискурсі XVI-XXI століть: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / Т.М. Буренко. – Харків, 2008. – 20 с.
6. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып 16. – С. 251 -275.
7. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
8. Косенко Ю.В. Структурно-семантичні і функціональні особливості метакомунікативного блоку прощання (на матеріалі англomовного художнього дискурсу): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / Ю.В. Косенко. – Донецьк, 2008. – 20 с.
9. Король А.А. Висловлення-звинувачення у сучасному німецькомовному художньому дискурсі: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / А.А. Король. – Чернівці, 2007. – 20 с.
10. Корольов І.Р. Комунікативна ситуація "виправдання": прагматичний та лінгвокультурний виміри: монографія / І.Р. Корольов. – К.: ВПЦ "Київський університет", 2009. – 223 с.
11. Кочкарова З.К. Средства выражения и диалогическая организация речевых актов убеждения-доказательства истинности и убеждения-побуждения к действию (на материале немецкого языка): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германские языки" / З.К. Кочкарова. – Воронеж, 1995. – 16 с.
12. Лукин В.А. Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсные стратегии, текстовые свойства / В.А. Лукин // Вопр. языкознания, 2003, № 4. – С. 91-109.
13. Маєвська Л.І. Макромовленнєвий акт взаєморозуміння: засоби об'єктивації та праматичний контекст (на матеріалі сучасної німецької мови): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / Л.І. Маєвська. – К., 2004. – 20 с.

14. Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект / Е.И. Морозова. – Харьков: Экограф, 2005. – 300 с.
15. Морозова О.Н. Функционально-семантические свойства реплик со значением согласия-несогласия в диалогическом общении (на материале русского и немецкого языков): дис. канд. филол. наук Тверской гос. ун-т. / О.Н. Морозова. – Тверь, 2000. – 176 с.
16. Наумук О.В. Когнітивні та прагматичні характеристики порад у сучасній англійській мові: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.В. Наумук. – Донецьк, 2010. – 20 с.
17. Нейленко Л.Л. Семантико-прагматические свойства высказываний со значением согласия (на материале английского диалога): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки” / Л.Л. Нейленко. – Пятигорск, 2004. – 17 с.
18. Одарчук Н.А. Семантика та прагматика висловлень відмови в англomовному художньому дискурсі: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / Н.А. Одарчук. – К., 2004. – 20 с.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов // Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
20. Осовська І.М. Висловлення-відмова: семантичний та комунікативно-прагматичний аспекти (на матеріалі сучасної німецької мови): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / І.М. Осовська. – К., 2003. – 20 с.
21. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – К.: Вища школа, 1986. – 117 с.
22. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові / А.М. Приходько. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – 292 с.
23. Пудровська Т.М. Мовленнєві акти оффератив і деклінатив у системі мовлення (на матеріалі сучасної англійської мови): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / Т.М. Пудровська. – Харків, 2000. – 18 с.
24. Соловьева А.А. Виды советов по тональности выражения в обиходном дискурсе (на материале английского языка) / А.А. Соловьева // Язык. Текст. Дискурс: Научн. альманах Ставропольского отделения РАЛК. – Ставрополь: СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 312-316.
25. Храмова Н.А. Глаголы одобрения и согласия в английском языке (семантический, синтагматический, морфологический аспекты) / Н.А. Храмова: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки”. – СПб., 2003. – 22 с.
26. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.19 „Общее и

теоретическое языкознание, социолингвистика, психолингвистика" / Т.И. Шеловских. – Воронеж, 1995. – 16 с.

27. Klein J. Die konklusiven Sprechhandlungen. Studien zur Pragmatik, Semantik und Lexik von Begründen, Erklären-warum, Folgen und Rechtfertigen / J. Klein. – Tübingen: Niemeyer, 1987. – 246 s.
28. Steen G. Basic discourse acts: When language and cognition turn into communication / G. Steen // Cognitive linguistics, functionalism, discourse studies: Common ground and new directions: Abstracts of the 8th International Cognitive Linguistics Conference 20-25.07.2003. – P. 15-16.
29. Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bdn / L. Wittgenstein. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1984. – Bd. 1: Philosophische Untersuchungen. – 534 s.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Маринина А. Взгляд из вечности. Книга третья: Ад / А. Маринина. – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.
2. ЭМ: Энциклопедия мысли: Сб. мыслей, изречений, афоризмов, парадоксов, эпиграмм / Сост. и пер. Н.Я. Хоромина. – Харьков: Прапор, 1995. – 544 с.